Энциклопедия безавтомобильной жизни в русской литературе

До изобретения автомобилей и повсеместного железнодорожного сообщения путешествия на дальние (и не очень) дистанции в России чаще всего совершали на конных экипажах. Энциклопедию русского безмоторного транспорта в литературе составила Софья Багдасарова.

Владимир Соллогуб в повести «Сережа» писал: *«Вот мчится телега — буйная молодость русских дорог; вот переваливается бричка, как саратовский помещик после обеда; вот гордо выступает широкая карета, как какой-нибудь богатый откупщик; вот дормез, вот коляска, а за ними толстый купец-дилижанс, выпив четырнадцать чашек чаю на почтовом дворе»*.

В России в самом деле существовало множество типов конных экипажей, которые к тому же в разных регионах изготавливали по-своему. Также они различались по назначению, конструкции и статусу владельца.

Б — Бричка

Бричка. 1860-е. Фотография: russiainphoto.ru

Это слово польского происхождения, оно обозначает легкую четырехколесную дорожную повозку, иногда без рессор. Кузов у брички мог быть как открытым, так и закрытым: кожаным, плетеным или деревянным.

Именно в бричке путешествовал главный герой «Мертвых душ» Николая Гоголя — Павел Иванович Чичиков. Его бричка была *«довольно красивая, рессорная»*, да еще и с удобствами: верх кузова был *«от дождя задернут кожаными занавесками с двумя круглыми окошечками, определенными на рассматривание дорожных видов»*. Это был вполне приличный дорожный экипаж для такого чиновника, как Чичиков, подобающий его рангу, пусть и, как сегодня сказали бы, «не представительского класса».

Возможно, поэтому многие русские классики описывали бричку как крайне шумный транспорт. Бричка Льва Толстого подпрыгивала, у Шолохова она гремела или громыхала, а Александр Серафимович писал, что *«за ней покатилось нетерпимо знойно-звенящее дребезжание»*. Давид Бурлюк, посвящая стихи некой птичке с невыносимым голосом, сравнивал ее со старой разломанной бричкой.

В — Возок

Сергей Иванов. Холопы боярские. 1909. Коллекция Ростроповича и Вишневской

Термин употреблялся для зимнего вида транспорта — крытой повозки на полозьях. Возок хвалят за тепло, в нем комфортно, можно ехать лежа — *«валясь в возок под меховые попоны»* (Амфитеатров). Он *«наполнен перинами, подушками и пр.»* (Виктор Шомпулев). По окнам его могли обивать медвежьим мехом, чтобы не дуло, а изнутри отделывать красным сукном или даже бархатом.
У Салтыкова-Щедрина детей запихивали в возок, «как сельдей в бочонок, и при этом закутывали так, что дышать было трудно». Замерзшие на улице, они быстро согреются, потому что «через минуту нас затискают в крытый возок и так, в закупоренном виде, и доставят по назначению» («Пошехонская старина»).
Отмечают, как он легко шел по снегу. Борис Чичерин честно признается: *«Когда я, разряженный, сел на возок, мне хотелось все ехать и ехать и никогда не доехать»*. Наконец, *«Покоен, прочен и легок / На диво слаженный возок»*, в котором отправляется у Некрасова жена декабриста княгиня Трубецкая. Транспорт этот считался тяжелым, неуклюжим и барским, старомодным: в «боярском возке» везут провинциальную Татьяну Ларину на ярмарку невест.

Д — Дормез

Дормез (карета Багратиона). Юрьев-Польский историко-архитектурный и художественный музей, Юрьев-Польский, Владимирская область. Фотография: yp-muzeum.ru

Словом, происходящим от французского «спать», называли большие кареты, в которых можно было вытянуться. Покупка иностранных дормезов была предметом гордости. Неслучайно Жуковский пишет на Чичерина эпиграмму: *«Сибири управленьем / Мой предок славен был, / А я, судьбы веленьем, / Дормез себе купил»*.
Повозка была тяжелой с торжественным ходом: «Тяжелый венский дормез, с форейтором, шестериком вороных, медленно выехал, погромыхивая, из Бронной». Григорий Данилевский. «Сожженная Москва»

Д — Дровни

Николай Сверчков. С хворостом. 1870-е. ГЛМ

Дровни — это крестьянские сани для перевозки грузов. Писатели XIX века сами на подобном не ездили, зато часто сажали в них персонажей из низшего сословия: вспомним пушкинское *«крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь»* и *«везет лошадка дровеньки»* из песенки про елочку. Поэтому-то в 1918 году Цветаева патетически восклицает: *«Кровных коней запрягайте в дровни! / Графские вина пейте из луж!»*

Д — Дрожки

Неизвестный художник. Серый жеребец, запряженный в дрожки. 1-я половина XIX века

Этим говорящим словом называли легкий экипаж на рессорах, который мог развивать большую скорость — и, естественно, дрожать. У Пушкина дрожки «удалые» и увозят «красоток молодых», «щегольские»; у Лермонтова — «лихие». На «щегольских дрожках» ездит неприятель Голядкина в «Двойнике» Достоевского. Звуки они издают следующие — дребезжат (Алексей Жемужников, Константин Фофанов) и гремят (Иван Никитин).
Булгарин пишет, что дрожки — это *«самый беспокойный экипаж в мире»*. *«Это не экипаж, — кричали цивилизаторы, а пытка; он постыдный остаток варварства, он трясет все существо человека не хуже лихорадки»*, — писал Иван Кокорев в рассказе «Извозчики-лихачи и ваньки».

К — Кабриолет

Джон Корни. Джентльмен с парой своих лошадей, запряженных в экипаж. 1806. Йель

Это были легкие двухколесные экипажи без козел — то есть для людей, которые хотели править самостоятельно. Экипаж этот был элегантным. Так, у Писемского *«неуклюже и робко полез в довольно высокий кабриолет»* персонаж по имени Елпидифор Мартыныч, чье имя сразу выдает его неуместность в щегольском транспорте.
В них хорошо было катать девушек: *«Из-за леса несся к его деревенскому дому легкий кабриолет, где сидела розовенькая от воздуха и быстрой езды Груня, не без страха прижавшаяся к своему молодому другу»* (Александр Шеллер-Михайлов). Управлять им было так легко, что за вожжи брались даже дамы.

К — Карета

Николай Сверчков. Помещица в пути. 1855. ГРМ

Расхожее слово обозначало закрытый экипаж на четырех колесах и рессорах. Употреблялось оно достаточно широко. А порой становилось и универсальным средством спасения — *«Карету мне, карету!»* («Горе от ума»).
У Федора Кони был водевиль «Карета, или По платью встречают, по уму провожают» о важности транспорта для престижа.

К — Кибитка

Николай Сверчков. Застигнутые бурей. ГРМ

Словом, заимствованным у кочевников, в России называли крытую повозку. Часто верх у нее был на дугах и мог откидываться — напоминая «бабушкин чепчик» (Николай Телешов). Хорошая кибитка — значит, *«с просторным волчком и двойным рогожным навесом»* (Иван Лажечников) или *«с кожаным верхом и наглухо застегнутым фартуком»* (Павел Мельников-Печерский). Именно в трясучей кибитке ехал Радищев: «Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделялся душевно от земли, казалося мне, что удары кибиточные были для меня легче».
Вяземский посвятил ей целое стихотворение, весьма злобное: *«А подвижной сей каземат, / А подвижная эта пытка, / Которую зовут: кибитка»*. Пушкин более жизнерадостен: *«Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая»*. С другой стороны, в своих «Дорожных жалобах» он стенает: *«Долго ль мне гулять на свете / То в коляске, то верхом, / То в кибитке, то в карете, / То в телеге, то пешком?»*

К — Коляска

Николай Сверчков. Катание в коляске (Александр II с детьми). Ярославский художественный музей

В России под «колясками» понимали множество видов рессорных открытых экипажей. Например, разновидностями городской коляски были ландо и фаэтон. В Европе же, напротив, «коляской» назвали конкретный вид модного экипажа.
Коляска стала героиней одноименной повести Гоголя: владелец там хвастается, что она легка как перышко, а рессоры такие, будто «нянька вас в люльке качала». В итоге оказывается, что хвастовство пустое. Одноименное стихотворение ей посвятил Вяземский: *«Несется легкая коляска, / И с ней легко несется ум»*. Красивая коляска — вопрос престижа: Долли Облонская

и ее кучер стесняются своего старого, залатанного экипажа во время визита в деревню Вронского.

Л и д и я (глядя в окно). Погодите! Что это за коляска? Кружева! Неужели это maman взяла для меня? Какая прелесть, какая роскошь! <…> Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, это мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в этой коляске. Что со мною?
Александр Островский. «Бешеные деньги»

Заканчивается все это с техническим прогрессом: *«Элегантная коляска, в электрическом биеньи, / Эластично шелестела по шоссейному песку»* (Игорь Северянин).

Л — Ландо

Карета-ландо, принадлежавшая британскому королю Вильгельму IV. Фотография: boyko.ru

Коляска, названная в честь немецкого города, была четырехместной, с поднимающимся верхом, который по желанию превращал ее в карету. Жуковский в «Поездке на маневры» рассказывает, как крыша как-то отказалась раскрыться: *«Туда, сюда, ландо упрям; / Он всех переупрямил дам, / Принудил их переселиться / Без церемонии в другой, / А сам отправился пустой»*.
Красивое иностранное слово обозначало модный вид транспорта, обязательный для человека из общества. Герою Мамина-Сибиряка нужно именно ландо, чтобы «показать им всем, что и я могу ездить, как они все».
У Григоровича читаем: «Сколько расходов, боже мой, сколько расходов! Пришлось нанять новых лошадей и обменять нашу карету на ландо; людям известного положения неловко иначе показываться по вечерам на музыке; так уж принято в Петергофе» («Город и деревня»).

С — Сани

Иван Пелевин. Дети в санях. 1870. Нижнетагильский музей изобразительных искусств, Нижний Тагил, Свердловская область

Еще одно средство передвижения, надолго прописавшееся в поэзии. *«И растопорщивши оглобли, сани ждут, / Когда их запрягут»* (Жуковский); *«К городу Рязани / Катят трое сани, / Сани развальные / Дуги расписные»* (Мей). В отличие от дровней, в санях можно заметить не только крестьян. Дворяне владеют собственными санями и ездят в них, улегшись поудобнее и закутавшись в теплые полсти и одеяла.
У Плещеева в «Зимнем катанье» и у других авторов их кроют ковром. В «Женитьбе» Гоголя в роспись приданого входят дрожки и *«сани парные с резьбой, под большой ковер и под малый»*. У Николая Телешова упоминаются сани *«с ковровым задком и мягким сиденьем»*. Обильно употребляется поговорка *«Не в свои сани не садись»*.

Т — Тарантас

Тарантас. 1880-е. Национальная библиотека Конгресса

Тарантасом называлась особая крытая повозка на длинной продольной раме, уменьшавшей тряску в долгом пути. Часто он ветхий и дребезжащий (Сергей Соловьев), идет вперевалку (Иван Суриков). У Соллогуба в повести «Тарантас» главный герой совершает в нем путешествие по России — разумеется, сатирическое, и колымага в итоге превращается в аллегорию.
«Но что за тарантас, что за удивительное изобретение ума человеческого!.. Вообразите два длинные шеста, две параллельные дубины, неизмеримые и бесконечные; посреди них как будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокам, как исполинский клубок».
Владимир Соллогуб. «Тарантас» Но если «тарантас скрипит» у Брюсова или Блока — то это уже нарицательное.

Т — Телега

Телега. Открытка. Фотография: spb.aif.ru

Если верить нашим поэтам, телега на ходу стучит (Жуковский, Пушкин, Огарев), гремит (Фет , Иван Суриков) и «скрыпит» (Некрасов), особенно если она «несмазанная», что бывало часто. Ход ее ленивый, спокойный (Иван Никитин). У Пушкина движение телеги становится аллегорией бытия («Телега жизни»).
У Некрасова ее пассажирка — жена декабриста Мария Волконская: «…Сперва / Телега меня занимала, / Но вскоре потом, ни жива, ни мертва, / Я прелесть телеги узнала».

Т — Тройка

Николай Сверчков. Тройка. 1865. Томский областной художественный музей

Это не вид повозки, а способ упряжки — три лошади, причем центральная (коренник) смотрит прямо, а боковые (пристяжные) красиво изгибают головы в сторону. Зимой тройкой запрягали сани, летом — колесный транспорт. Специфически русское изобретение стало национальным символом, чему способствовало воспевание птицы-тройки Гоголем — *«Русь, куда ж несешься ты?»* («Мертвые души»).
Тройка, пожалуй, лидер по вдохновлению поэтов и композиторов. Тут и пушкинская «Зимняя дорога», и «Тройка мчится, тройка скачет» Вяземского, и некрасовская «Что ты жадно глядишь на дорогу…», а также «тройка удалая» с «колокольчиком — даром Валдая» Глинки… Всех не перечислить. Поэтам нравилась ее лихость и скорость — она «борзая», «бойкая», «лихая», «шальная», «бешеная»; ямщик на ней «ухарский».

Ф — Фаэтон

Фаэтон императрицы Марии Федоровны. Дания. До 1821. ГМЗ Царское Село

Это открытый четырехколесный городской экипаж, двух- или четырехместный. Такая разновидность модной рессорной коляски получила название в честь сына бога Гелиоса (кстати, одного из первых погибших в дорожной катастрофе). Если верить классике, фаэтон — «красивый» (Писемский), «хорошенький» (Михаил Авдеев) и «забавный» (Федор Кони).
У Петра Боборыкина мы видим двухместный отлогий фаэтон с открытым верхом, который вдобавок тих в езде. Запрягали в этот «легонький, щегольский» экипаж быстрых рысаков и красовались перед окружающими.

Источник: https://www.culture.ru/materials/136109/enciklopediya-bezavtomobilnoi-zhizni-v-russkoi-literature